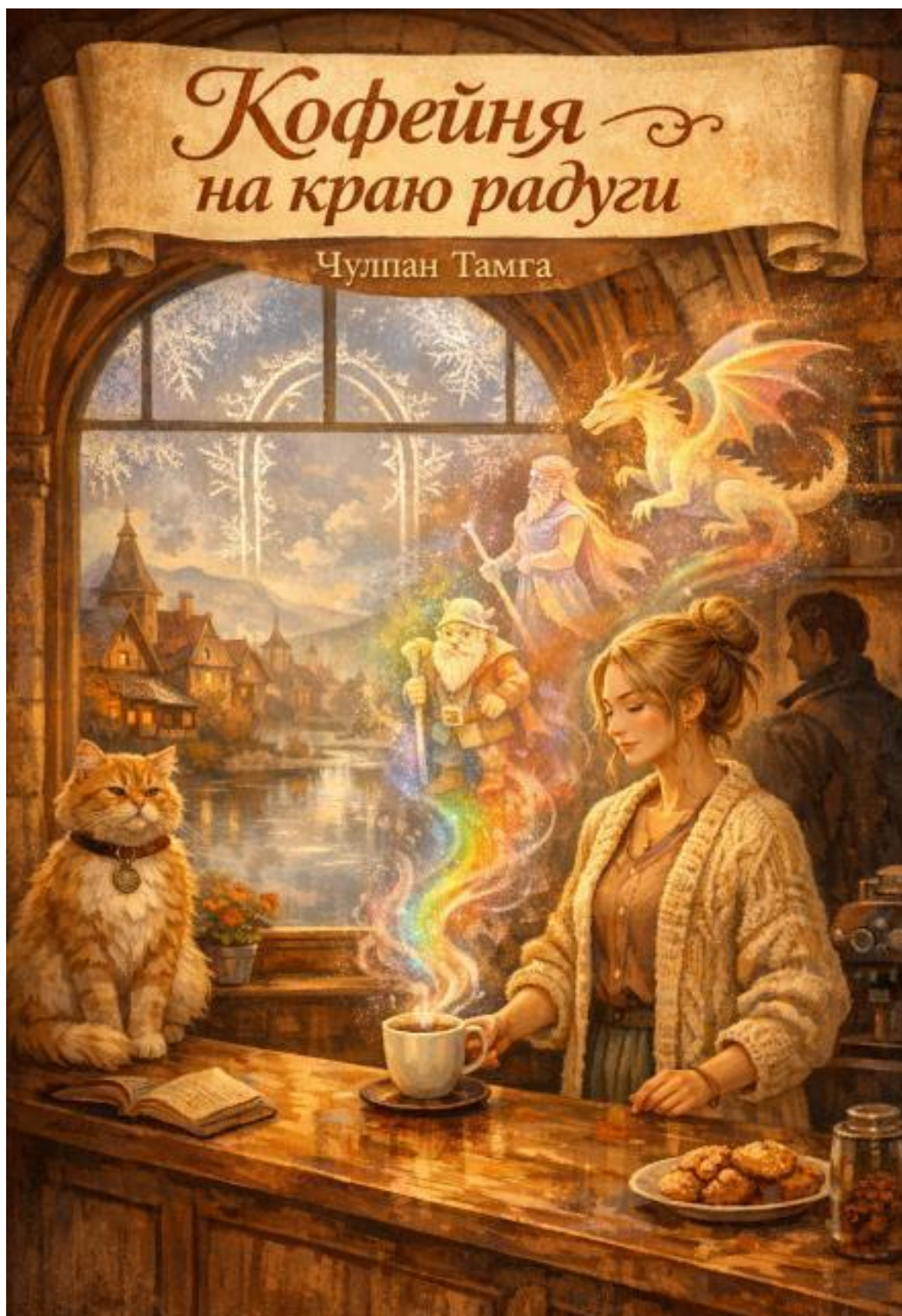

Кофейня на краю радуги

Чулпан Тамга

Чулпан Тамга

Кофейня на краю радуги

«Литнет»

2026

Тамга Ч.

Кофейня на краю радуги / Ч. Тамга — «Литнет», 2026

Тася думала, что самое сложное в её жизни — это развод и смена профессии. Но когда в твоей кофейне начинают материализоваться гномы, эльфы и драконы, а наглый рыжий кот разговаривает голосом уставшего аристократа, понимаешь: проблемы только начинаются. В довесок идёт хмурый сосед, который слишком часто заходит «на чашечку кофе» и слишком подозрительно смотрит на посетителей. Чтобы спасти свой новый дом и, кажется, своё сердце, Тасе придётся научиться варить не просто кофе, а настоящее счастье. Ведь в мире, где магия скрыта под толстым слоем бюрократии, только искренность способна открыть портал в новую жизнь.

© Тамга Ч., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог: Хроники одного падения, или Как я перестал быть магом и полюбил латте	5
Глава 1. Бегство из бетонных джунглей	9
Глава 2. Прибытие в Радужный	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пролог: Хроники одного падения, или Как я перестал быть магом и полюбил латте

Триста лет назад, или около того. Точную дату никто не запомнил, потому что в тот день случился грандиозный магический коллапс, и все календари пошли вразнос.

В то время меня звали Маркиз де Карамель, и я был придворным магом Его Величества короля Оберона Третьего, правителя Срединного Королевства. Звучит пафосно, не правда ли? На деле это означало бесконечную череду приёмов, дипломатических раутов и разбирательств с тем, почему фонтан на центральной площади вдруг забил розовым лимонадом, а статуя прадеда короля начала отпугивать голубей неожиданными заклинаниями. Скукота, в общем.

Но была у меня и другая, более ответственная миссия. Я курировал работу Великого Перекрёстка — сети порталов, соединяющих наш мир с дюжиной других. Эльфы, гномы, драконы, полурослики и прочие расы пользовались этими порталами как междугородними автобусами: кто за товаром, кто в гости, кто просто поглазеть на диковинки. Портал под нашим королевством был одним из главных узлов, и я, как главный хранитель, следил, чтобы всё работало как часы. Ну, как часы, которые иногда отстают, иногда спешат, а порой вообще взрываются, но в целом — терпимо.

В тот день, который потом назовут днём Великого Закрытия, я как раз завтракал. Обожаю начинать утро с чашки отличного кофе. Да, тогда кофе уже был, хотя его называли по-другому — «чёрный нектар гномов». Гномы варили его так, что ложка стояла, но я предпочитал более изысканные рецепты. Моя экономка, госпожа Тыква (полурослица с характером фельдфебеля), варила божественный напиток с кардамоном и корицей. Я как раз пригубил вторую чашку, когда в дверь постучали.

— Ваше магичество! — заорал гонец, влетая в покои. — Там это... порталы с ума сходят!

Я вздохнул. «Порталы сходят с ума» — это могло означать всё что угодно: от случайно забредшего дракона в дамскую уборную до вторжения армии тёмных эльфов. Обычно первое, реже второе.

— Конкретнее, — потребовал я, допивая кофе. — И без паники.

— Они растут! — гонец размахивал руками. — Все порталы раздуваются, как мыльные пузыри перед лопаньем! Ещё немного — и они схлопнутся с такой силой, что наши миры перемешаются в гигантское рагу!

Я поставил чашку и аккуратно вытер губы салфеткой. Рагу из миров — это уже серьёзно. Это вам не розовый лимонад.

— Веди в диспетчерскую.

Диспетчерская порталов располагалась в башне, которая была начинена артефактами, как пирог черносливом. Хрустальные шары, зеркала, карты, магические кристаллы — всё это гудело, переливалось и иногда взрывалось фейерверками. Когда я вошёл, картина была впечатляющая: каждый портал на голографической схеме пульсировал, увеличивался, сжимался, и по всей башне разносился противный писк, будто тысяча комаров пытались спеть оперу.

— Докладывайте, — рявкнул я, и писк тут же стих (магия послушания — полезная штука).

Мой заместитель, молодой маг по имени Фипдус, бледный как мел, ткнул пальцем в центральный кристалл.

— Смотрите, ваше магичество. Энергия порталов неконтролируемо растёт. Если так пойдёт дальше, через несколько часов они достигнут критической массы и... — он сглотнул. — И всё.

— Что «всё»? Конкретнее.

— Миры схлопнутся в одну точку. Или разлетятся в пыль. Или... в общем, варианты плохие.

Я смотрел на карту и понимал: Фипдус не преувеличивает. Сеть порталов, которая веками служила нам верой и правдой, вдруг взбесилась. Кто-то явно вмешался. Кто-то с очень дурными намерениями.

— Кто мог это сделать? — спросил я.

— Есть предположение, что это диверсия, — Фипдус протянул мне свиток. — Наши разведчики перехватили сообщение от секты «Чистых миров». Они всегда выступали за закрытие порталов, считая, что смешение рас и культур ведёт к деградации. Видимо, решили ускорить процесс радикально.

Я выругался мысленно. Сектанты, чтоб их. Всегда находились те, кто хотел «очистить» миры, запечатать границы и жить в изоляции. Обычно их было легко игнорировать — крикунов много, а дела мало. Но теперь они, похоже, добрались до управляющих артефактов.

— Есть способ остановить? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Только один, — Фипдус посмотрел на меня с ужасом. — Провести ритуал полного закрытия. Запечатать все порталы разом. Но для этого нужно, чтобы хранитель отдал всю свою магию и... — он запнулся.

— И что?

— И, по легенде, превратился в кого-нибудь маленького и пушистого. Навсегда.

Я моргнул.

— Простите, я не ослышался? В кого?

— В животное. Кошку, например. Или хомяка. Зависит от характера.

В башне повисла тишина. Все присутствующие маги смотрели на меня с выражением «только не говори, что ты согласишься».

А я смотрел на карту пульсирующих порталов. Где-то там, в эльфийских лесах, сейчас, наверное, мирно потягивают сок. Гномы куят свои железяки. Полурослики пекут пироги. Драконы дремлют на горах золота. И никто не знает, что через пару часов всё это исчезнет в магическом коллапсе.

У меня выбора не было.

— Готовьте ритуал, — сказал я. — И принесите мне ещё кофе. Последний, видимо.

Фипдус открыл рот, закрыл, потом кивнул и выбежал.

Через час я стоял в центре зала, окружённый сияющими рунами. Вокруг суетились маги, подкручивали артефакты, проверяли защиты. Я допивал кофе — на этот раз просто чёрный, без изысков, — и думал о том, как же не вовремя это случилось. У меня были планы на выходные. Билеты в оперу. Свидание с одной очаровательной эльфийской певицей. И вообще, я не планировал становиться пушистым.

— Ритуал готов, ваше магичество, — доложил Фипдус. — Но вы уверены? Может, попробуем как-то иначе?

— Некогда, — отрезал я. — Начинаем.

Я вошёл в круг, поднял руки и начал читать заклинание. Оно было длинным, сложным и требовало колоссальной концентрации. Я чувствовал, как магия вытекает из меня рекой, как руны загораются одна за другой, как порталы на карте начинают сжиматься, стабилизироваться...

А потом что-то пошло не так.

Сектанты, оказывается, не только взломали управление, но и заложили мину в сам ритуал. В тот момент, когда я почти закончил, один из артефактов взорвался. Ударная волна швырнула меня на пол, руны вспыхнули ослепительным светом, и я почувствовал, как моё тело сжимается, уменьшается, покрывается шерстью...

Последняя мысль, которая пронеслась в голове: «А ведь я просил без корицы».

Очнулся я в кустах. В прямом смысле слова. Голова гудела, всё тело ломило, а во рту был отвратительный привкус палёной магии. Я попытался подняться и вдруг обнаружил, что стою на четырёх лапах.

— М-да, — сказал я вслух и вздрогнул. Голос был не мой. Тонкий, мяукающий какой-то. Я посмотрел на свои руки — нет, не руки, лапы. Рыжие, пушистые, с белыми носочками. — Вот так поворот.

Я попробовал протереть глаза, но лапа не слушалась. Вместо этого я ткнул себя когтем в глаз и взвыл от боли. Боль была настоящей. Значит, это не сон.

Я выполз из кустов и огляделся. Вокруг был лес, но незнакомый. Деревья какие-то другие, трава пахнет иначе. И над головой — небо, но такое странное, без магических завихрений, чистенькое. Где это я?

Память была словно в тумане. Я помнил, что был магом, что проводил ритуал, что взрыв... А дальше провал. И вот я здесь, в кошачьем теле, и понятия не имею, как выживать. Лица, имена, названия — всё расплывалось, стоило лишь попытаться ухватиться. Я знал только, что совершил что-то великое, что-то ценой в собственную сущность. Но во имя чего — забыл.

Инстинкты, однако, сработали. Я принялся — запах еды вёл куда-то вперёд. Поплёлся на четырёх лапах, спотыкаясь, путаясь в собственных конечностях. Через некоторое время выбрался на поляну, где стоял дом. Старый, деревянный, с резными наличниками. На крыльце сидела женщина в платке и пила чай.

Я подошёл ближе. Женщина посмотрела на меня, улыбнулась.

— Ой, котик! Ты откуда?

Я хотел ответить, что я не котик, а его высочество, тьфу, его магичество, но изо рта вырвалось только жалобное «мяу».

Женщина налила в блюдце молока и поставила передо мной. Я, конечно, предпочитал кофе, но молоко в тот момент показалось нектаром. Я вылакал всё и почувствовал, как силы возвращаются.

Так я и остался. В доме жила бабка Марфа, одинокая старуха, которая оказалась потомственной ведьмой, но дар её почти угас. Она чувствовала во мне что-то необычное, но не приставала с расспросами. А я... я просто жил. Ловил мышей (отвратительное занятие, между прочим), грелся на печи, пил молоко и пытался вспомнить, кем был.

Память возвращалась обрывками. Иногда во сне я видел руны, порталы, лица людей в мантиях. Но стоило проснуться — и всё ускользало. Я знал, что был кем-то важным. Что-то сделал. Но что? И зачем я теперь кот?

Годы шли. Бабка Марфа умерла, дом опустел. Но я остался. Иногда заходили люди, смотрели, уходили. Я прятался на чердаке, выходил по ночам охотиться и смотрел на звёзды. В них чувствовалась магия, но слабая, далёкая.

Потом дом купили какие-то люди, хотели открыть трактир, но ничего не вышло. Снова пустота. Я уже привык, что моя жизнь — это вечное ожидание. Чего? Не знаю.

И вот однажды, солнечным утром, я услышал шаги. Лёгкие, решительные. Я выглянул в окно и увидел женщину. Молодая, с русыми волосами, в джинсах и куртке. Она стояла перед домом, смотрела на фасад, и в её глазах было что-то такое... знакомое. Не памятью, а чувством. Будто она здесь нужна. Будто с ней что-то начнётся.

Она вошла в дом. Я спрятался, но следил. Она ходила по комнатам, трогала стены, улыбалась. Потом вышла на крыльцо, села на ступеньку и долго смотрела на реку.

Я понял: это шанс. Может быть, единственный. Если она останется, если откроет здесь что-то... Может, магия портала снова проснётся? Может, я вспомню, кто я?

Вечером я вышел к ней. Она сидела на крыльце с чашкой в руках, и запах... Господи, это был запах кофе. Настоящего, свежесваренного кофе. У меня слюнки потекли.

Я подошёл и сел рядом. Она посмотрела на меня, улыбнулась.

— Привет, пушистик. Ты местный?

Я мяукнул. Пока рано было раскрывать карты. Но внутри всё пело: этот запах, эта женщина, этот дом — здесь начинается что-то важное.

Она погладила меня по голове, и я вдруг почувствовал тепло. Не кошачье, а человеческое, забытое. Будто частичка моей прежней жизни отозвалась.

Ночью, когда она уснула, я прокрался в подвал. Там, за старой кладкой, я всегда чувствовал слабый отголосок портала. Сейчас он засветился чуть ярче. Руны на камнях едва заметно мерцали.

— Скоро, — прошептал я кошачьими губами. — Скоро всё начнётся.

Я вернулся на крыльцо, улёгся на половичок и стал ждать утра. Ждать, когда она проснётся, снова сварит кофе, и я, может быть, решусь заговорить. В конце концов, триста лет молчания — достаточный срок. Пора уже напомнить этому миру, что магия не исчезла. Она просто ждала своего часа.

А пока можно и вздремнуть. Завтра будет долгий день

Глава 1. Бегство из бетонных джунглей

Москва никогда не спит. Это знают все, кто хоть раз оказывался в этом городе глубокой ночью. Огни витрин, фары автомобилей, светящиеся окна высоток — всё это создаёт иллюзию вечного дня, вечного движения, вечной жизни. Но внутри этой иллюзии всегда есть маленькие мёртвые зоны — места, где время застыло.

Офис архитектурного бюро «Стекло и бетон» на двадцать третьем этаже бизнес-центра «Плаза-2» был именно такой зоной. Ровно в двадцать три часа сорок семь минут по московскому времени здесь не осталось ни одного живого человека, если не считать женщину, которая сидела за рабочим столом, уронив голову на сложенные руки, и смотрела на монитор невидящим взглядом.

Тася — для коллег просто Тася, хотя в паспорте значилось Таисия Сергеевна Морозова — работала в этом бюро восемь лет. Восемь лет, три месяца и двенадцать дней, если быть точной. Она пришла сюда двадцатидвухлетней выпускницей Архитектурного института, полной амбиций и надежд, и за это время успела спроектировать семнадцать жилых комплексов, шесть бизнес-центров и два торговых центра. Ни один из этих проектов не был построен. Они остались на рендерах, в макетах, в толстых папках с пометкой «согласовано» или, чаще, «отправлено на доработку». Слово вся её профессиональная жизнь была игрой в песочнице: нарисовать красиво, а строить будут другие, и строить ли вообще — неизвестно.

Глаза жгло от усталости, но она не могла заставить себя встать и уйти. На экране застыл трёхмерный макет жилого комплекса «Вершина» — двадцать пять этажей стекла, стали и безликого комфорта для тех, кто готов платить ипотеку ближайшие тридцать лет. Заказчик, крупный девелопер с внешностью бывшего боксёра и манерами трофейной жены, в седьмой раз просил «сделать фасад поживее, но не слишком, понимаешь, вычурно». Тася перебирала варианты, меняла оттенки стекла, экспериментировала с формой балконов, но в глубине души знала: всё это бессмысленно. Через месяц придет новый заказчик с новыми требованиями, и всё начнётся заново.

Она подняла голову и посмотрела на своё отражение в тёмном окне. Русые волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбились непослушные пряди. Зелёные глаза с красными прожилками от недосыпа и долгого сидения за компьютером. Веснушки, которые она всю жизнь ненавидела, а теперь вдруг подумала: может, они делают её моложе? Двадцать девять лет. Скоро тридцать. А что она сделала? Спроектировала десяток зданий, которые никогда не построят. Развелась с мужчиной, который назвал её скучной. И теперь сидит одна в пустом офисе, потому что боится ехать домой.

На столе рядом с клавиатурой лежал лист бумаги. Заявление об увольнении по собственному желанию. Она подала его сегодня утром, и начальник — Виктор Павлович, сухой мужчина с вечно недовольным лицом и идеально отутюженными рубашками — удивлённо вскинул бровь, но подписал без единого вопроса. Видимо, тоже устал от неё. Или просто не хотел тратить время на выяснение причин. В этом офисе никто ни за кем не бегал. Каждый сам за себя.

Тася взяла заявление в руки, перечитала. Короткие казённые фразы: «Прошу уволить меня по собственному желанию...» Ни слова о том, что она чувствует. Ни слова о том, что последние два года каждое утро начиналось с мысли «неужели опять?». Ни слова о том, что когда заказчик в сотый раз просил «сделать фасад поживее, но не слишком», ей хотелось швырнуть в него монитором. Ни слова о том, что коллеги, с которыми она проработала восемь лет, сегодня даже не подошли попрощаться. Просто кивнули из-за мониторов: «Уходишь? Удачи». Даже не спросили, куда.

Она сложила лист пополам, потом ещё раз, превратив в маленький квадратик, и спрятала в карман джинсов. Сувенир на память.

Внутренний монолог, который она прокручивала в голове последние полгода, снова ожил. Голос был усталый, без истерики, просто констатация фактов: «Ты работаешь как проклятая, чтобы получать зарплату, которой хватает на съёмную квартиру и еду. Ты проектируешь дома, в которых никогда не будешь жить, потому что они стоят как крыло самолёта. Ты общаешься с людьми, которым плевать на тебя. Твой бывший сказал, что ты скучная. И знаешь что? Он прав. Ты скучная, потому что у тебя нет сил на что-то другое. Ты выдыхаешься. Ты просто существуешь».

— Тася, ты ещё здесь? — голос охранника дёрнул её, заставив выпрямиться. Иван Петрович, пожилой мужчина с седыми усами и неизменной газетой под мышкой, заглянул в дверь. — Я закрываю через полчаса. Ты как, скоро?

— Да-да, уже ухожу, — она улыбнулась, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Засиделась, простите.

— Ничего, ничего, — он махнул рукой. — Молодость, она такая. Всё работа, работа... А ты бы, Тася, отдыхала иногда. Вон, говорят, в парке Горького сейчас аттракционы новые поставили. Сходила бы, развеялась.

— Обязательно, Иван Петрович, — кивнула она. — Как-нибудь схожу.

Он ушёл, а Тася ещё минуту сидела, глядя на монитор. Потом решительно выключила компьютер, собрала сумку — ноутбук, ежедневник, косметичка, ключи, зарядка, блокнот с набросками. Всё это барахло, которое она таскала с собой годами, уже въелось в привычку. Закинула сумку на плечо и в последний раз оглядела офис.

Стол, за которым она просидела восемь лет, выглядел так же, как в первый день. Чистый, безликий, казённый. Ни одного личного предмета, кроме смешного кактуса в горшке, который подарила Ленка из бухгалтерии на прошлый Новый год. Ленка была единственной, с кем Тася иногда перекидывалась парой фраз не по работе. Ленка тоже уволилась полгода назад — вышла замуж и уехала в Краснодар. Присылала фото с морем и говорила, что счастлива. Кактус Тася решила забрать — всё-таки живое существо, да и память о Ленке. Она взяла горшок, завернула в пакет и сунула в рюкзак.

В лифте было зеркало. Тася посмотрела на себя: джинсы, простая футболка, потёртая кожаная куртка. Никакого офисного дресс-кода. У неё вообще никогда не было дресс-кода — архитекторы могли ходить как угодно, главное, чтобы проекты сдавали вовремя. Она и ходила. И проекты сдавала. И никому не было дела, что у неё на душе.

Первый этаж, турникет, вахта. Иван Петрович махнул рукой: «Счастливо, Тася». Она кивнула и вышла на улицу.

Москва встретила её запахом бензина и влажного асфальта. Недавно прошёл дождь, и в лужах отражались огни витрин и фонарей. Было свежо, по-сентябрьски прохладно, но без того противного морозящего дождя, который бывает в ноябре. Тася достала телефон, заказала такси. Через пять минут подъехала белая «Киа» с наклейкой «Яндекс.Такси» на стекле.

— На Стромынку? — уточнил водитель, молодой парень с усами и в очках, глянув в навигатор.

— Да.

Машина тронулась. Тася смотрела в окно на проплывающие мимо здания, и внутри неё разрасталось странное чувство. Не грусть, не облегчение, а что-то среднее. Будто она только что сдала последний экзамен и теперь не знает, чем занять себя дальше.

— А вы надолго уезжаете? — спросил водитель, поглядывая в зеркало заднего вида. — Слышал, как вы звонили, говорили про дом, про переезд.

— Насовсем, — Тася улыбнулась. — В маленький городок. Радужный называется.

— О, слышал! — парень оживился. — Красивые места. Река, лес. Туристы летом ездят. Там, говорят, аномалии всякие — радуга без дождя, деревья цветут не по сезону.

— Аномалии? — Тася невольно улыбнулась. — Прямо как в сказке.

— Ну да. Местные рассказывают. Но место хорошее, правда. А вы по работе или как?

— Кофейню хочу открыть.

— Отличное дело! — водитель одобрительно кивнул. — Удачи вам.

— Спасибо.

Машина свернула во дворы. Тася смотрела на знакомые дома, детские площадки, припаркованные машины. Здесь она прожила три года, снимая эту квартиру вместе с Сашей. А потом он ушёл, и квартира стала просто местом, где она ночует.

Саша... Интересно, где он сейчас? Наверное, с новой девушкой, весёлой и спонтанной, которая не планирует каждую субботу уборку и не раскладывает носки по цветам. Тася усмехнулась. Когда они расставались, он сказал: «Ты слишком правильная, Тась. Скучная. Ты всегда всё планируешь, у тебя всё разложено по полочкам. Я хочу жить, а не существовать по расписанию». Она тогда не плакала. Просто кивнула и помогла ему донести чемодан до лифта. А потом вернулась в пустую квартиру и долго сидела на полу, глядя в стену. Может, он и прав. Но что делать, если она такая? И почему «правильная» обязательно значит «скучная»?

С тех пор прошло полгода. Она не искала новых отношений, не ходила на свидания, не пыталась никому ничего доказывать. Просто работала. Работала, работала, работала. Пока однажды не поняла, что больше так не может.

Водитель остановился у подъезда.

— С вас триста восемьдесят рублей.

Тася расплатилась, вышла, достала ключи. Лифт не работал — традиционная проблема старых домов. Пятый этаж пешком. Она поднималась медленно, чувствуя, как гудит спина от сидения за компьютером. На лестничной клетке пахло кошками и капустой — соседи снизу, кажется, опять варили борщ.

Квартира встретила её тишиной и запахом пыли. Она не была здесь два дня — ночевала у подруги Наташи после того, как подала заявление. Наташка, единственная подруга ещё со времён института, выслушала, покивала, сказала: «Правильно, Тась, всё правильно. Надоело — уходи. А этот город... он тебя сожрёт, если не сбежишь». Наташка всегда была за любой кипиш, кроме голодовки. Сама она работала в рекламном агентстве и вечно жаловалась на идиотов-клиентов, но увольняться не собиралась — у неё двое детей и ипотека.

Теперь нужно было собирать вещи.

Тася включила свет в прихожей и замерла. Коридор, кухня, комната — всё такое же, как всегда. Но теперь это была не её жизнь. Это был просто интерьер.

Она прошла на кухню, поставила чайник. Пока вода грелась, достала телефон и открыла фотографии дома в Радужном. Риелтор прислала целую папку: фасад, двор, комнаты, подвал. Дом был старый, конца девятнадцатого века, купеческий особняк. Двухэтажный, из красного кирпича, с высокой крышей и мезонином. Фасад облупился, ставни покосились, но чувствовалось, что когда-то это было красивое здание. Резные наличники в виде виноградных лоз, кованый козырёк над крыльцом, широкие окна.

Внутри — пустота, пыль, скрипучие половицы. На втором этаже большая комната с окнами на реку. Внизу — просторный зал, где раньше, судя по планировке, был трактир. Именно там Тася планировала сделать кофейню.

Она увеличила фотографию подвала. Каменные своды, старые стеллажи, а в углу — странная кладка с какими-то символами. Тася тогда подумала: «Старая отделка, наверное, девятнадцатый век». Сейчас же её вдруг кольнуло любопытство. Она приблизила изображение ещё сильнее, вглядываясь в замысловатые линии, вырезанные прямо на камне. Они не походили на обычный орнамент — слишком чёткие, геометричные, с какими-то завитками и перекрестиями. Что-то в них показалось ей смутно знакомым, будто отголосок давнего сна — те же изогнутые линии, те же перекрестья, что она видела в бабушкиных старых тетрадах. Тася наморщила лоб, пытаясь вспомнить, но память ускользала, оставляя лишь лёгкое покалывание

в кончиках пальцев. «Потом разберусь», — решила она и переключилась на следующий снімок. Но осадок остался.

Чайник закипел. Тася заварила чай — на ночь глядя кофе уже не хотелось — и села за стол. На столе лежала стопка писем, квитанции, рекламные листовки. Всё это можно выбросить. Вообще всё можно выбросить. Новая жизнь не требует старого хлама.

Она машинально открыла ящик стола. Там валялись старые чеки, ручки, сломанные наушники, флешки, визитки. И фотография. Тася достала её — та самая, где они с Сашей на море, два года назад. Ещё до разрыва. Оба улыбаются, ветер развеивает волосы, на заднем плане пальмы и синее море. Турция, отель «всё включено», неделя дурацкого отдыха, где они переругались из-за того, что она хотела ездить на экскурсии, а он — валяться у бассейна.

Она посмотрела на фото, пожала плечами и сунула обратно в ящик. Пусть лежит. Не выбрасывать же историю.

Потом встала, допила чай и пошла в комнату. Чемодан лежал на шкафу, покрытый пылью. Она сняла его, открыла и начала кидать вещи. Джинсы, свитера, бельё, любимая чашка, пара книг — Достоевский и новый детектив, который она купила в дорогу. Ноутбук, планшет, зарядки. Аптечка. Зонт. Кроссовки. Всё остальное — мебель, посуду, технику — она решила оставить. Хозяйка квартиры, милая женщина тётя Люба, обрадовалась, когда Тася сказала, что может забрать всё за ненадобностью. Ей сдавать квартиру с обстановкой проще.

Упаковка заняла часа два. Тася действовала механически, стараясь не думать. Только когда чемодан был забит до отказа, а рядом с ним выросла гора пакетов с остатками вещей, она остановилась и посмотрела на результат. Всё её имущество уместилось в один чемодан и три пакета. Двадцать девять лет жизни — и такой скромный багаж.

Ночью Тася почти не спала. Лежала на диване, смотрела в потолок и слушала, как за окном шумит город. Где-то там сигналили машины, смеялись люди, играла музыка. А здесь была тишина и предчувствие перемен.

Она вспомнила бабушку. Бабушка умерла пять лет назад, оставив Тасе ту самую квартиру в Москве (старушку-хрущёвку, которую Тася потом продала) и странную привычку пить кофе с мятой. Бабушка была чудачкой — собирала травы, что-то шептала над ними, лечила соседей от всех болезней. В деревне, откуда она родом, её считали ведьмой, но в Москве, куда она переехала к внучке, это называли народной медициной. Тася не придавала значения бабушкиным причудам, но сейчас вдруг подумала: а вдруг бабушка что-то знала? Вдруг не случайно Тасе так захотелось купить старый дом в маленьком городке? Вдруг это бабушкин дар — или проклятие — проснулся?

Чушь, конечно. Просто усталость и нервный срыв.

Утром она проснулась рано. За окном только начинало светать, город ещё не проснулся, только редкие машины проезжали по двору. Тася встала, умылась, оделась. Последний раз прошла по квартире, проверяя, не забыла ли чего. На подоконнике в кухне сидел кактус — тот самый, из офиса. Она забрала его вчера, но поставила на окно и забыла. Сунула горшок в пакет, закинула в рюкзак.

Потом позвонила хозяйке.

— Тётя Люб, я сейчас уезжаю. Ключи оставлю в почтовом ящике, как договариваться. Чек за последний месяц я оплатила.

— Ой, Тасенька, удачи тебе! — голос тётки Любы звучал искренне тепло. Тася всегда была идеальной квартиранткой: платила вовремя, не шумела, не приводила толпы гостей. — Если что не так — звони, всегда помогу. А в этом... Радужном, говорят, хорошо. Спокойно. Ты там счастлива будь.

— Спасибо, тётя Люб.

Тася положила трубку, достала ключи из связки, завернула в бумажку с надписью «Тёте Любе» и бросила в почтовый ящик. Потом взяла чемодан, рюкзак, пакеты и вышла из подъезда. Дверь захлопнулась за ней с мягким щелчком. Она даже не оглянулась.

Утро было прохладное, сентябрьское. Солнце только поднималось над домами, золотя верхушки. Тася глубоко вдохнула воздух — пахло листвой и бензином, как всегда. Но сегодня этот запах не казался противным. Сегодня он был просто запахом города, который она покидает.

Такси уже ждало у подъезда. Водитель — пожилой мужчина с седой бородкой и в кепке — помог загрузить чемодан.

— Куда едем? — спросил он, усаживаясь за руль.

— На Ленинградский вокзал.

Машина тронулась. Тася смотрела в окно на проплывающие мимо дома, улицы, перекрёстки. Вот булочная, где она покупала хлеб по утрам. Вот парк, где они с Сашей когда-то гуляли. Вот офисное здание, где она проработала восемь лет. Всё оставалось позади, а впереди была неизвестность.

Странное чувство — когда ты уезжаешь навсегда. Не в отпуск, не в командировку, а совсем. Не вернёшься. Даже если захочешь — некуда будет возвращаться, потому что квартира уже не твоя, работа не твоя, и люди, с которыми ты общалась, останутся только в телефоне.

Но страха не было. Было только облегчение. Будто скинула тяжёлый рюкзак, который носила годами.

Такси выехало на Третье транспортное кольцо, и город поплыл быстрее. Многоэтажки, развязки, рекламные щиты. Москва просыпалась, вливаясь в утренние пробки. А Тася ехала в обратную сторону — от центра к вокзалу, от привычного к новому.

— Надолго уезжаете? — спросил водитель, поглядывая в зеркало.

— Насовсем.

— В другой город?

— В маленький городок. Радужный называется.

— Слышал, — кивнул он. — Красиво там. Я рыбак, бывал в тех краях. Река Светлая — отличное место для ловли. А вы по работе или как?

— Кофейню хочу открыть.

— Дело хорошее. Там сейчас как раз туризм развивается, — водитель явно был разговорчивым. — Местные говорят, место там особенное. Радуги часто бывают, отсюда и название. И даже зимой, представьте, бывает.

— Зимой радуга? — улыбнулась Тася.

— Ну да. Аномалия, говорят. Но красиво.

Машина остановилась у вокзала. Тася расплатилась, вышла, взяла чемодан. Вокзал жил своей жизнью: люди с чемоданами, сумками, рюкзаками, кто-то спешил, кто-то сидел на скамейках, пил кофе из стаканчиков. Она прошла в здание, нашла табло. Поезд «Москва — Северный» отправлялся через сорок минут, платформа третья.

Билет она купила заранее, в плацкарт. Можно было взять купе, но экономия никогда не бывает лишней. Да и что ей терять? Комфорт? Она и так последние годы жила в комфорте, который не приносил радости.

На привокзальной площади, помимо суеты, была ещё и тишина — та особенная тишина раннего утра, когда город только просыпается, а вокзал уже живёт своей жизнью. Тася купила в ларьке бутылку воды и шоколадку, хотя есть не хотелось. Просто чтобы занять руки.

Она вышла на перрон. Поезд уже стоял, длинный зелёный состав с табличкой «Москва — Северный». Тася нашла свой вагон, предъявила билет проводнице — сонной женщине в синей форме — и залезла внутрь.

В поезде было шумно. Соседи по плацкарту — молодая пара с ребёнком и пожилая женщина с пухлым чемоданом. Тася поздоровалась, закинула чемодан на верхнюю полку и устроилась у окна. Поезд тронулся, поплыли перроны, многоэтажки, затем частный сектор, поля, перелески.

Она смотрела, как мелькают деревья, и чувствовала, как внутри что-то оттаивает. Москва оставалась позади, а впереди была неизвестность. Страшно? Немного. Но гораздо страшнее было остаться там, где каждый день похож на предыдущий.

— Девушка, а вы надолго к нам? — спросила пожилая женщина, улыбнувшись. У неё было доброе морщинистое лицо и живые глаза.

— Насовсем, — ответила Тася. — Переезжаю в Радужный.

— Ой, хорошее место! — оживилась женщина. — Я сама из тех краёв, в гости к дочке ездила. У нас там тихо, красиво. А главное, люди душевные. Вы по делу?

— Кофейню хочу открыть.

— Ну, удачи! — женщина кивнула и углубилась в книгу. Тася мельком глянула на обложку — какой-то любовный роман с золотым тиснением.

Ребёнок соседей начал капризничать, мать успокаивала его, отец смотрел в телефон. Обычная дорожная суета. Тася достала наушники, включила музыку и уставилась в окно.

Пейзаж за окном менялся медленно. Сначала пригороды Москвы с бесконечными коттеджными посёлками и торговыми центрами, потом поля, перелески, маленькие станции с деревянными домиками. Где-то за окном мелькнула река, узкая и извилистая. Тася поймала себя на мысли, что уже ищет глазами радугу. Глупо, конечно.

Она достала телефон. Связь ещё ловила, и она открыла фотографии дома. Снова и снова рассматривала каждую деталь. Вот фасад с резными наличниками. Вот крыльцо с колоннами. Вот комната на втором этаже с видом на реку. А вот подвал — тёмный, каменный, с той самой странной кладкой.

Она приблизила изображение. Символы на камнях были похожи на руны. Или ей просто казалось от усталости? Тася не была специалистом по древней архитектуре, но что-то в этих знаках казалось неправильным. Слишком ровные, слишком чёткие для старой кладки. Будто их вырезали специально, а не получились случайно от времени. И снова — то же щемящее чувство, что она уже видела это в бабушкиных тетрадах. «Надо будет поискать их, когда доберусь до дома», — подумала Тася и отложила телефон.

— Любуется? — спросила соседка, заметив, что Тася пялится в телефон.

— Да, дом купила. Вот, рассматриваю.

— Красивый, — женщина прищурилась, глядя на экран. — О, это же тот самый, на Набережной! Старый купеческий особняк. Говорят, там раньше трактир был, ещё до революции. А потом долго пустовал. Хороший дом, крепкий. Только... — она запнулась.

— Только что? — насторожилась Тася.

— Да ерунда, — отмахнулась женщина. — Местные легенды. Говорят, там чудится иногда. Ну, знаете, огни в окнах, когда дом пустой, или звуки странные. Но вы не бойтесь, это всё бабкины сказки. У нас в Радужном вообще много странного: то радуга зимой, то деревья цветут не по сезону. Место такое.

— Чудится? — переспросила Тася, и по коже побежали мурашки.

— Да ну, ерунда, — махнула рукой женщина. — Я сама там не была, только слышала. А дом хороший, вы не пожалеете.

Тася улынулась и снова уставилась в окно. Но мысли о подвале не отпускали. Она вспомнила бабушкины тетради, которые видела в детстве. Там были похожие знаки — бабушка называла их «рунами» и говорила, что они помогают от сглаза. Тогда Тася не верила, но сейчас, глядя на холодные камни на экране, почувствовала странное волнение. А вдруг это не про-

сто старый орнамент? Вдруг в этом доме действительно есть какая-то тайна? Она усмехнулась своим мыслям. Сказки для взрослых, которые сбежали из больших городов.

Закат разлился оранжевым, потом погас, и на небе высыпали звёзды. Поезд мерно стучал колёсами, убаюкивая. Тася уснула под этот стук, и ей приснилась бабушка. Та сидела на крыльце деревянного дома, пила чай из блюдца и улыбалась.

— Приезжай, Тасенька, — сказала она. — Здесь твоё место.

— Ба, я не понимаю, — ответила Тася во сне. — Что за место? Зачем?

— Увидишь, — бабушка подмигнула и исчезла, растворившись в утреннем тумане. А в руке у неё на миг блеснул серебряный кулон на цепочке — такой же, какой бабушка носила при жизни и который теперь висел на шее у Таси.

Проснулась Тася от того, что поезд замедлял ход. За окном уже было светло, и пейзаж изменился — вместо бескрайних полей показались холмы, покрытые лесом, а вдали блеснула река. Солнце только поднималось, золотя верхушки деревьев. Где-то вдалеке, над лесом, Тася заметила странное свечение — будто кто-то разлил краски по небу. Радуга? Но дождя не было. Она протёрла глаза — свечение исчезло. Показалось, наверное.

— Радужный! Остановка две минуты! — прокричала проводница, проходя по вагону.

Тася быстро умылась в тесном купейном туалете, оделась, схватила чемодан и рюкзак. Поезд остановился, она вышла на перрон и глубоко вдохнула.

Воздух пах рекой, травой и чем-то ещё, сладковатым, неуловимым. Не так, как в Москве. Здесь не было бензина, гари, пыли. Здесь пахло жизнью.

Глава 2. Прибытие в Радужный

Маленький вокзал из красно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.